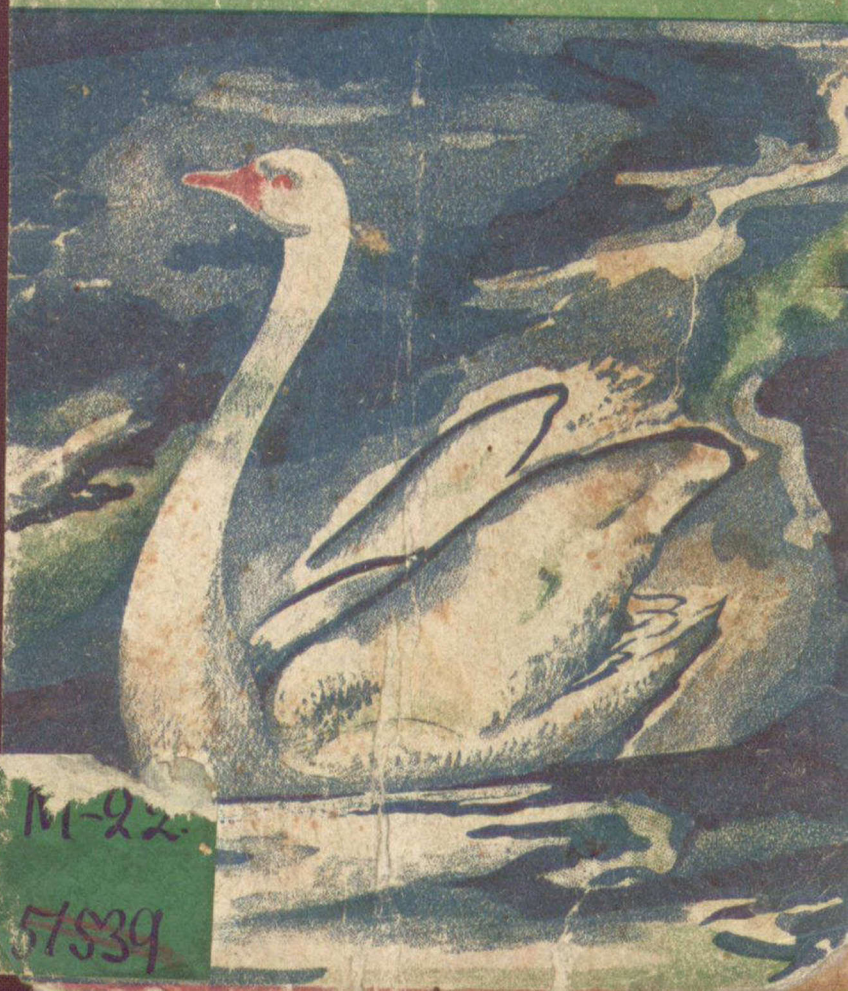

Мн.
М-22

шин - Сибиряк

ПРИЕМЫ

М-22

57839

М 222
ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

ПРИЕМЫШ

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА
П. ПАСТУХОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

4 1941-1939

1948 г.

6818

1957-58 г.

печатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

Москва, Краснопролетарск., 16,

в количестве 75 000 экз.

Главлит № А — 44812

Гиз Д — 32 № 32820

Зак. № 9718

$\frac{3}{4}$ п. л.

☆

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

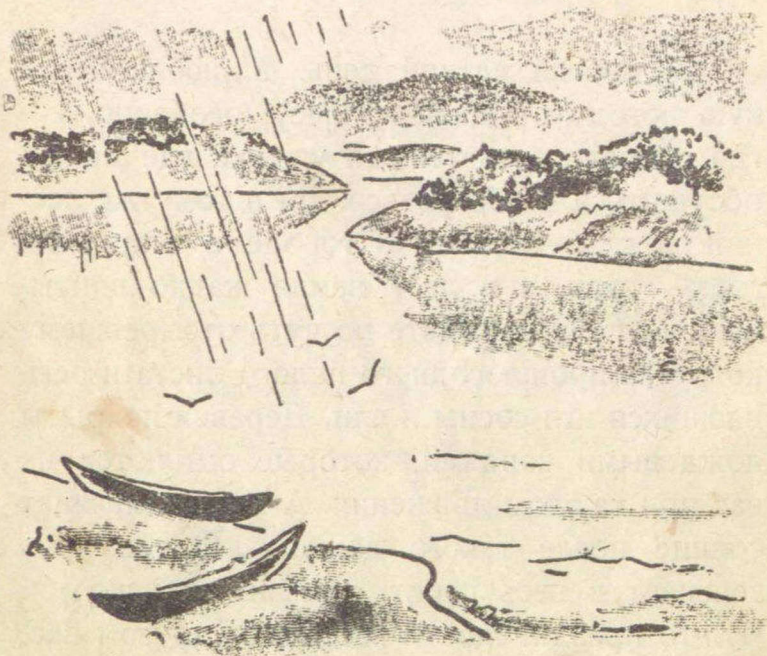
1948 г.

I

Дождливый летний день. Я люблю в такую погоду бродить по лесу, особенно, когда впереди есть теплый уголок, где можно обсушиться и обогреться. Да к тому же летний дождь—теплый. В городе в такую погоду—грязь, а в лесу земля жадно впитывает влагу, и вы идете по чуть отсыревшему ковру из прошлогоднего палого листа и осыпавшихся игл сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются на вас при каждом движении. А когда выглянет солнце после такого дождя, лес так ярко зеленеет и весь горит алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем.

Именно в такой дождливый день я подходил к Светлому озеру, к знакомому сторожу на рыбацкой сайме¹, Тарасу. Дождь уже редел. На одной стороне неба показались просветы; еще немножечко, и покажется горячее летнее солнце. Лесная тропинка сделала крутой поворот, и я вышел на отлогий мыс, вдававшийся широким языком в озеро. Собственно, здесь было не самое озеро, а широ-

¹ Саймой на Урале называют рыбацкие стоянки.

кий проток между двумя озерами, и сайма приткнулась в излучине на низком берегу, где в заливчике ютились рыбацьи лодки. Проток между озерами образовался, благодаря лесистому острову, разлегшемуся зеленой шапкой против саймы.

Мое появление на мысу вызвало сторожевой оклик собаки Тараса,—на незнакомых людей она всегда лаяла особенным образом, отрывисто и резко, точно сердито спрашивала: «Кто идет?» Я люблю таких простых собачонок за их необыкновенный ум и верную службу...

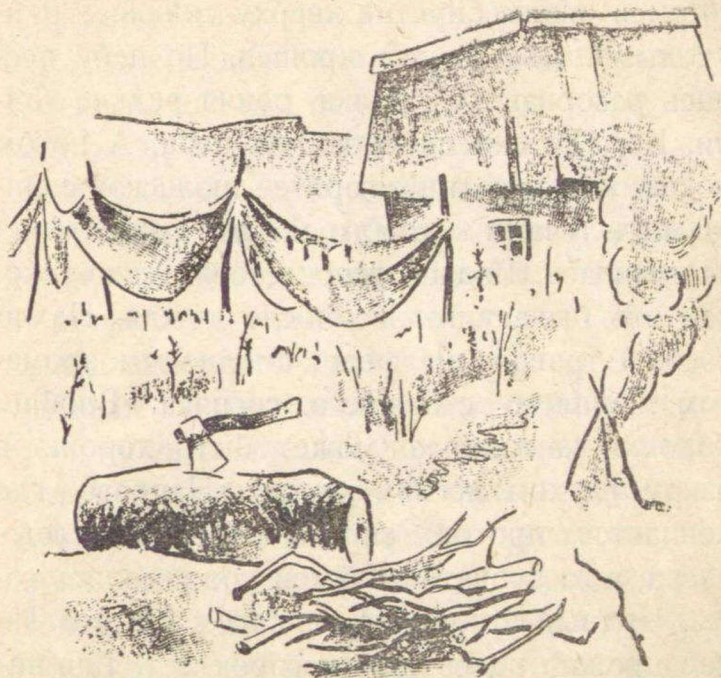
Рыбачья избушка казалась повернутой вверх дном большой лодкой,—это горбилась старая деревянная крыша, проросшая веселой зеленой травой. Кругом избушки поднималась густая поросль из иван-чая, шалфея и «медвежьих дудок», так что у подходившего к избушке человека виднелась одна голова. Такая густая трава росла только по берегам озера, потому что здесь достаточно было влаги и почва была жирная.

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пестрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболюко, перестань... Не узнал?

Соболюко остановился в раздумьи, но, видимо, еще не верил в старое знакомство. Он осторожно подошел, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завилял хвостом. Дескать, виноват, ошибся,—а все-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то-есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругом избушки все говорило о присутствии живого человека: слабо курившийся огонек, охапка только что нарубленных дров, сушившаяся на кольях сеть, топор, воткнутый в обрубок дерева. В приоткрытую дверь саймы виднелось все хозяйство Тараса: ружья на стене, несколько горшков на припечке, сундучок под лавкой, развешанные снасти. Избушка была довольно просторная, потому что зимой во время рыбного лова в ней помещалась целая артель рабочих. Летом старик жил один. Несмотря ни на какую погоду, он каждый день жарко натапливал русскую печь и спал на полатах. Эта

любовь к теплу объяснялась почтенным возрастом Тараса: ему было около девяноста лет; я говорю «около», потому что сам Тарас забыл, когда он родился. «Еще до француза», как объяснял он, то-есть до нашествия французов в Россию в 1812 году.

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стене, я принялся разводить огонь. Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело раз-

горался огонек, пустив кверху синюю струйку дыма. Дождь уже прошел. По небу неслись разорванные облака, роняя редкие капли. Кое-где синели просветы неба. А потом показалось и солнце, горячее июльское солнце, под лучами которого мокрая трава точно задымилась. Вода в озере стояла тихо-тихо, как это бывает только после дождя. Пахло свежей травой, шалфеем, смолистым ароматом недалеко стоявшего сосняка. Вообще хорошо, как только может быть хорошо в таком глухом лесном уголке. Направо, где кончается проток, синела гладь Светлого озера, а за зубчатой каймой поднимались горы. Чудный уголок! И не даром старый Тарас прожил здесь целых сорок лет. Где-нибудь в городе он не прожил бы и половины, потому что в городе не купишь ни за какие деньги такого чистого воздуха, а главное — этого спокойствия, которое охватывало здесь. Хорошо на сайме!.. Весело горит яркий огонек; начинает припекать горячее солнце, глазам больно смотреть на сверкающую даль чудного озера. Так сидел бы здесь и, кажется, не расстался бы с чудным лесным привольем.

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнем. Вода уже начинала кипеть, а старика все не было.

— Куда бы ему деться?—раздумывал я вслух.—Снасти осматривают утром, а теперь полдень... Может быть, поехал посмотреть, не ловит ли кто рыбу без спроса... Соболю, куда девался твой хозяин?

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала. По наружности Соболю принадлежал к типу так называемых «промысловых» собак. Небольшого роста, с острой мордой, стоячими ушами и загнутым вверх хвостом, он напоминал обыкновенную дворнягу, с той разницей, что дворняга не нашла бы в лесу белки, не сумела бы «облаять» глухаря, выследить оленя,—одним словом, настоящая промысловая собака, лучший друг человека. Нужно видеть такую собаку именно в лесу, чтобы в полной мере оценить все ее достоинства.

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина.

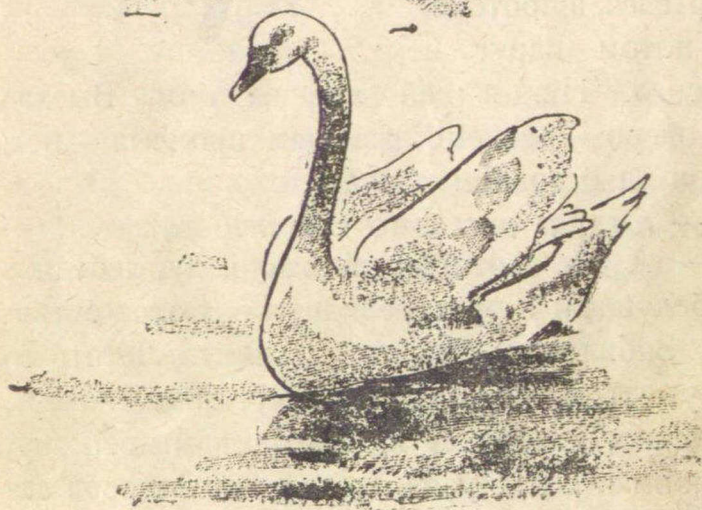
Действительно, в протоке черной точкой показалась рыбацья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом,—настоящие рыбаки все так плавают на своих лодках-однодревках, называемых не без основания «душегубками». Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя

— Ступай домой, гуляка!—ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу.—Ступай, ступай... Вот я тебе дам уплывать неизвестно куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых черных ногах, направился к избушке.

II

Старик Тарас был высокого роста, с окладистой седой бородой и строгими, большими серыми глазами. Он все лето ходил босой и без шляпы. Замечательно, что у него все зубы были целы и волосы на голове сохранились. Загорелое широкое лицо было избо-

рождено глубокими морщинами. В жаркое время он ходил в одной рубахе из крестьянского синего холста.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, барин!

— Откуда ты?

— А вот за Приемышем плавал, за лебедем... Все тут вертелся, в протоке, а потом вдруг и пропал. Ну, я сей час за ним. Выехал в озеро — нет, по заводям проплыл — нет, а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебедя?

— А тут охотники наезжали, ну, лебедя с лебедушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался ребячьим делом. Я, конечно, ставил сети против камышей, ну, и поймал его. Пропадет один-то, ястреба за-

едят, потому как смыслу в нем еще настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привез и держу. И он тоже привык. Теперь вот скоро месяц будет, как живем вместе. Утром на заре поднимется, поплавает в протоке, покормится, потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждет, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковылял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

— Улетит он у тебя, дедушка,—заметил я.

— Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собољком веселей. Как-то один охотник забрел ко мне на сайму, увидал лебедя и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить птицу? Пусть живет, как ей природой указано... Человеку указано одно, а птице—другое... Не возьму я в толк, зачем господа лебедя застрелили. Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика и по-матривал на него своими умными глазами.

— А как он с Собольком?—спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Соболька и кусок отнимает. Пес заворчит на него, а лебедь его крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся, лебедь по воде, а Соболько—по берегу. Пробовал пес плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывет, Соболько ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг сердешный. Так вот и живем втроем

Я очень люблю старика. Рассказывал он уж очень хорошо, знал много. Бывают такие хорошие, умные старики. Много летних ночей приходилось коротать на сайме, и каждый раз узнаешь что-нибудь новое.

Прежде Тарас был охотником и знал места кругом километров на пятьдесят, знал всякий обычай лесной птицы и лесного зверя; а теперь не мог уходить далеко и знал одну свою рыбу. На лодке плавать легче, чем ходить с ружьем по лесу, а особенно по горам. Теперь ружье осталось у Тараса только по

старой памяти да на всякий случай, если бы забежал волк. По зимам волки заглядывали на сайму и давно уже точили зубы на Соболюшко. Только Соболюшко был хитер и не давался волкам.

Я остался на сайме на целый день. Вечером ездили удить рыбу и ставили сети на ночь. Хорошо Светлое озеро, и не даром оно названо Светлым,—вода в нем совершенно прозрачная, так что плывешь на лодке и видишь все дно на глубине нескольких метров. Видны и пестрые камешки, и желтый речной песок, и водоросли; видно, как рыба ходит «руном», то-есть стадом. Таких горных озер на Урале сотни, и все они отличаются необыкновенной красотой. От других Светлое озеро отличалось тем, что прилегалo к горам только одной стороной, а другой выходило «в степь», где начиналась благословенная Башкирия. Кругом Светлого озера разлеглись самые привольные места, а из него выходила бойкая горная река, разливавшаяся по степи на целую тысячу километров. Длинной озеро было до двадцати километров да в ширину около десяти. Глубина достигала в некоторых местах метров тридцати. Особен-

ную красоту придавала ему группа лесистых островов. Один такой островок отделился на самую середину озера и назывался Голодным, потому что, попав на него в дурную погоду, рыбаки не раз голодали по несколько дней.

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья, и дом, а теперь он жил бобылем. Дети перемерли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка?—спросил я, когда мы возвратились с рыбной ловли.— Жутко одному-то в лесу...

— Да разве я один живу? Тоже скажешь... Все у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю все. Сердце радуется в другой раз смотреть на них... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыба плавает в воде, или птица в лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди,—лебедь-то дожидается нас с Сობольком. Ах, прокурат!..

Старик ужасно был доволен своим Приемышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

68/8
— Гордая птица,—объяснил он:—помани его кормом, да не дай,—в другой раз и не подойдет. Свой характер тоже имеет, даром что птица... С Собольком тоже себя очень гордо держит. Чуть-чуть,—сейчас крылом, а то и носом долбонет. Известно, пес в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

Я переночевал и утром на другой день собрался уходить.

— Ужо по осени приходи,—говорил старик на прощанье.—Тогда рыбу лучить будем с острогой. Ну, и рябчиков постреляем. Осенний рябчик жирный.

— Хорошо, дедушка, приеду как-нибудь. Когда я отходил, старик меня вернул.

— Посмотри-ка, как лебедь-то разыгрался с Собольком...

Действительно, стоило полюбоваться этой картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Соболько с визгом и лаем нападал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребенок.

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег. Лес и теперь был хорош. Кое-где на березах еще оставался желтый лист. Ели и сосны казались зеленее, чем летом. Сухая осенняя трава выглядывала из-под снега желтой щеткой. Мертвая тишина царила кругом, точно природа утомленная летней кипучей работой, теперь отдыхала. Светлое озеро казалось больше, потому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнела и в берег с шумом била тяжелая осенняя волна.

Избушка Тараса стояла на том же месте, но казалась выше, потому что не стало окружавшей ее высокой травы. Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узнал меня и ласково завил хвостом еще издали.

Тарас был дома.

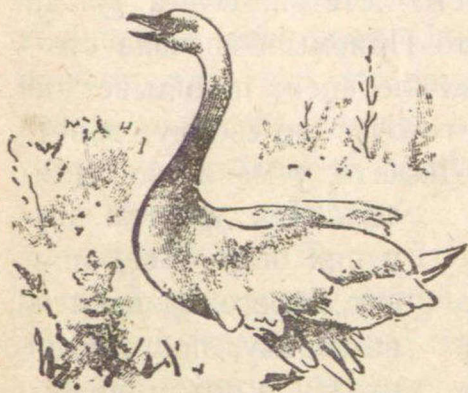
Он чинил невод для зимнего лова.

— Здравствуй, старина!

— Здравствуй, барин!

— Ну, как поживаешь?

— Да ничего... По осени-то к первому снегу прихворнул малость. Ноги болели... К непогоде у меня завсегда так бывает.

Старик, действительно, имел утомленный вид. Он казался таким дряхлым и жалким. Впрочем, это происходило, как оказалось, совсем не от болезни. За чаем мы разгово-

рились, и старик рассказал свое горе.

— Помнишь, барин, лебедя-то?

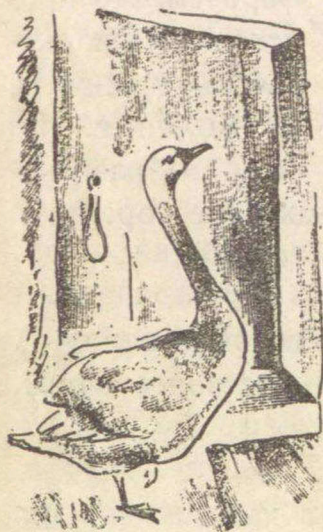
— Приемыша?

— Он самый... Ах, хороша была птица! А вот мы опять с Собольком остались одни... Да, не стало Приемыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушел... Вот как мне обидно

это... Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним! Из рук кормил... Он ко мне и на голос шел. Плавает он по озеру,—я его кликну, он и подплывает. Ученая птица. И ведь совсем привыкла... Да! Уж в заморозки грех вышел. На перелете стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть птица с силой соберется: не близкое место лететь... Ну, а тут и вышел грех. Мой-то Приемыш сначала сторонился от других лебедей; подплывет к ним—и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, а он домой... Дескать, у меня свой дом

есть. Так дня три это у них было. Все, значит, переговариваются по-своему, по птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приемыш затосковал... Вот, все равно, как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнет кричать. Да ведь как жалобно кричит... На меня тоску

нагонит, а Соболюшко, дурак, волком воет. Известно, вольная птица, кровь-то сказалась... Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, и что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: «Пусти, дедушка, к товарищам. Они-то в теплую сторону полетят, что я с вами тут буду зимой делать?» Ах ты, думаю, задача! Пустить—улетит за стадом и пропадет...

— Почему пропадет?

— А как же? Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь, ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята,—отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: все дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к перелету. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уж сгрудятся в одно большое стадо. Ну, а мой-то Приемыш один вырос и никуда не летал. Поплаывает по озеру,—только и всего

ремесла. Где же ему перелететь? Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадет. Не привычен к дальнему лету.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить,—с грустью заговорил он.—Все равно, думаю, ежели удержу на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая, особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой Приемыш к стаду, поплавал с ним день, а к вечеру опять домой. Так два дня приплывал. Тоже, хоть и птица, а тяжело с своим домом расставаться. Это он прощаться плавал... В последний-то раз отплыл от берега этак шагов на сорок, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: спасибо за хлеб, за соль! Только я его и видел. Остались мы опять с Собољком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Собољко, а где наш Приемыш?» А Собољко сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого... Мне по ночам все казалось, что Приемыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду,—никого нет...

Вот какое дело вышло.

~~190~~
190

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОЧТИТЕ ЭТИ КНИГИ Д. МАМИНА-СИБИРЯКА

Для детей младшего возраста

ЕМЕЛЯ ОХОТНИК. СЕРАЯ ШЕЙКА.

Стр. 25. Рис. Л. Бруни. Ц. 40 к.

Два рассказа из жизни Приуралья с художественными описаниями его природы и животного царства.

Язык рассказов прост и образен.

О ТОМ, КАК ЖИЛА-БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ МУХА

Стр. 16. Сокращено и обработано М. Поллат. Ц. 5 к.

П Р И Е М Ы Ш

Стр. 14. Рис. Е. Иванова. Ц. 5 к.

В сокращении переиздан рассказ о ручном лебеде, долго жившем у старого охотника и улетевшем с лебединой стаей,

П Р О Х Р А Б Р О Г О З А Й Ц А

Стр. 16. Картинки А. Мануйлова. Ц. 5 к.

Заяц — длинные уши, косые глаза, короткий хвост — хвастается перед старыми зайцами и маленькими зайчатами своей храбростью, но при первой встрече с волком заяц удирает

С Е Р А Я Ш Е Й К А

Стр. 28. Рис. А. Мануйлова. Ц. 9 к.

Молодая утка, оставшаяся из-за поврежденного крыла зимовать на севере, терпит преследования лисы и, наконец, находит приют у людей.

СКАЗКА ПРО ВОРОБЬЯ ВОРОБЬЕВИЧА, ЕРША ЕРШОВИЧА и ВЕСЕЛОГО ТРУБОЧИСТА ЯШУ.

Стр. 16. Рис. Л. Фейнберга. Ц. 12 к.

О дружбе воробья с ершом, о ссоре двух приятелей, в которой приняли участие все рыбы и птицы, и о веселом трубочисте, пожелавшем примирить друзей. В сказочке даются сведения о жизни рыб и птиц зимой и летом.

С Т А Р Ы Й В О Р О Б Е Й

Стр. 30. Рис. М. Эбермана. Ц. 9 к.

Приключения старого воробья в поисках себе жилища.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ и МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПРОЧТИТЕ ЭТИ КНИГИ

Д. МАМИНА-СИБИРЯКА

Для детей среднего возраста.

БОГАЧ и ЕРЕМКА

Стр. 32.

В сокращении. Рис. В. Липгарт.

Ц. 15 к.

Рассказ про Богача, сторожа деревенских садов и огородов и про его умную собаку Еремку.

ЕМЕЛЯ ОХОТНИК

Стр. 16.

Ц. 5 к.

По просьбе больного внука старый Емеля идет на охоту за олененком. Из жалости к самке, самоотверженно защищающей своего детеныша, он шадит олененка. Вернувшись домой, Емеля радуется вместе с внуком, что олененок остался жив. Рассказ написан ярким и образным языком; проникнут любовью к животным и природе.

СКАЗОЧКА ПРО ВОРОНУШКУ-ЧЕРНУЮ ГОЛОВУШКУ.

Сказочка о том, как ворона защитила бедную, маленькую канарейку, вылетевшую из клетки, приютила ее в своем гнезде, носила ей пищу и защищала от врагов и как, наконец, канарейка не вынесла жизни на свободе и умерла.

Для детей старшего возраста.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО.

Стр. 143.

Рис. А. Борисова.

Ц. 50 к.

Повесть из жизни на уральских платиновых приисках лет 40—50 тому назад.

ДЕДУШКИНО ЗОЛОТО.

Стр. 48.

Рис. и обложка Е. Сафоновой.

Ц. 25 к.

Автор рассказывает о жизни и быте на золотых промыслах Урала. Обычное для автора знание быта, тонкое чутье языка, превосходное описание природы Урала. Книга читается с интересом.

ЗИМОВЬЕ НА СТУДЕНОЙ.

Стр. 32.

Рис. А. Мануиловой.

Ц. 9 к.

Рассказ из жизни старича-охотника в глухом углу Приуралья на стыке Печерского края с Чардынским. Мастерски просто изображены переживания всеми забытого старика и его собаки.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ И МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

